

На правах рукописи

Федотова Анна Александровна

РЕЦЕПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА

10. 01. 01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Ярославль

2018

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Научный консультант: Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской
литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Официальные оппоненты:

Чернец Лилия Валентиновна, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры теории литературы ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Володина Наталья Владимировна, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных
коммуникаций ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»

Защита состоится «3» декабря 2018 года в 12:00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.307.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д.
46-в, ауд. 506.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, ул.
Республиканская, д. 108/1, диссертационный совет Д 212.307.05.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им.
К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.
108/1, также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан «   » _____ 2018 г.
Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат филологических наук,
доцент Л. И. Зими́на

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных гуманитарных науках все большее распространение получает трактовка литературного произведения как коммуникативного события, или дискурса. Исследователи процессов эстетической коммуникации рассматривают писательское творчество как систему дискурсивных практик. Коммуникативная природа творчества отдельных отечественных писателей до сих пор остается недостаточно изученной. Применение современных методологических подходов значимо при анализе наследия классика русской литературы Н. С. Лескова. В последние десятилетия научный интерес к творчеству писателя неуклонно растет. Практически все литературоведы отмечают склонность писателя к актуализации «чужого» слова, следствием которой является насыщенность лесковской прозы цитатами и аллюзиями, а также обращение писателя к сказовому нарративу. Если феномен сказа у Лескова неоднократно привлекал внимание ученых, то проблема эстетической коммуникации до сих пор не была предметом специального исследования.

Значительная доля «заимствований», цитирования и автоцитирования, характерные для произведений Лескова, позволяют расценивать вопрос о принципах художественной коммуникации в творчестве писателя и проблему Лескова-читателя как ключевые для лескововедения. Требуют исследования соотношение воспринимающего и созидющего сознания Лескова, связь интерпретационной и творческой деятельности писателя, механизмы рецептивных стратегий, применяемых Лесковым для «присвоения» «чужого» слова – и для организации диалога с читателем. Эти вопросы значимы как для понимания особенностей художественного метода Лескова, так и для выявления принципов его индивидуального стиля.

Научная гипотеза исследования заключается в предположении, что ключом к пониманию своеобразия художественного мира писателя выступает

диалогическая природа его прозы. Склонность Лескова к «переписыванию» «чужих» и «своих» текстов объясняется стремлением к их переосмыслению, рецептивная деятельность писателя носит активный, творческий характер, а постоянное напряжение между «своим» и «чужим» служит источником для эстетических экспериментов.

Актуальность настоящей работы определяется тем, что проблемы коммуникации находятся в центре внимания современной гуманитарной науки. Значимой задачей литературоведения выступает исследование процессов художественной коммуникации, в частности осмысление продуктивности применения различных подходов к анализу феномена рецепции. Важность ее решения обуславливает необходимость изучения характера диалогичности и ее механизмов в прозе Лескова, принципов организации и управления писателем рецептивной деятельностью читателей. Избранный подход к анализу рецепции писателем в различные периоды творчества в разных дискурсивных практиках дает возможность охарактеризовать художественную индивидуальность Лескова. Важность настоящей работы объясняется необходимостью целостного исследования творчества писателя в контексте эволюции русской литературы второй половины XIX в.

Степень изученности темы

Начало изучения диалогичности творчества Лескова датируется концом 1920-х гг.: в 1928 г. были опубликованы статьи Н. Н. Апостолова и Н. К. Гудзия, посвященные влиянию на писателя учения Л. Н. Толстого. В 1930–1950-е гг. исследование лесковского наследия было ограничено идеологическими причинами, однако важные наблюдения по проблеме творческих связей писателя (особенно по вопросам «Лесков и Гоголь», «Лесков и Толстой») были сделаны в исследованиях В. А. Гебель, Л. П. Гроссмана, Б. М. Другова.

В 1960–1970-е гг. были опубликованы статьи, в которых изучались отдельные аспекты диалога Лескова с Толстым (Н. И. Азарова, Л. Н. Афонин

П. В. Куприяновский, А. В. Лужановский, Н. Ю. Филимонова), контактов Лескова и Ф. М. Достоевского (К. П. Богаевская, В. В. Виноградов, Е. М. Пульхритудова), взаимоотношений Лескова с А. И. Герценом (И. П. Видуэцкая) и И. С. Тургеневым (Л. Н. Афонин, И. В. Столярова). В 1975 г. была опубликована работа В. Ю. Троицкого «Лесков – художник», посвященная комплексному изучению поэтики писателя. В 1977 г. увидела свет биография Лескова Х. Маклина, в которой дана свободная от идеологических клише интерпретация конфликта писателя с радикальными демократами, описаны творческие контакты Лескова с Достоевским и Толстым.

В 1980-е гг. жанровые аспекты лесковской прозы рассматривались в монографиях чешского исследователя И. Поспишила и французского литературоведа Ж.-К. Маркадэ. Значительным явлением отечественного лескововедения этого периода стало издание сборников «В мире Лескова» и «Лесков и русская литература». Вошедшие в них статьи подвели итог предшествующему изучению творчества писателя (Д. С. Лихачев, В. А. Туниманов) и поставили новые вопросы в исследовании лесковской прозы (Е. М. Пульхритудова).

В 1990-е гг. этапным трудом в изучении диалогичности творчества Лескова стала монография И. П. Видуэцкой «Творчество Н. С. Лескова в контексте русской литературы XIX в.» Это первое специальное исследование, посвященное литературным связям писателя. Отдельное внимание И. П. Видуэцкая уделила вопросам творческих контактов Лескова и Герцена, Лескова и Толстого.

В начале 2000-х гг. была опубликована монография О. В. Евдокимовой, в которой впервые был сделан вывод о том, что «взаимодействие своего и чужого» выступает «фундаментальным художественным принципом прозы Лескова»¹. В 2000-е гг. крупным событием лескововедения стали публикации

---

¹ Евдокимова, О. В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова [Текст] / О. В. Евдокимова. – СПб. : Алетей, 2001. – С. 7.

исследований Т. Б. Ильинской «Феномен “разноверия” в творчестве Н. С. Лескова» и А. А. Новиковой «Религиозно-нравственные искания в творчестве Н. С. Лескова 1880-х – 1890-х гг.». Исследовательницы рассматривают замалчиваемые в советском литературоведении стороны общественной и нравственной позиции писателя, изучают характер диалога Лескова с Толстым.

В 2015 г. была опубликована монография В. Ю. Троицкого «Н. С. Лесков. Начало пути», посвященная раннему периоду лесковского творчества, который до сих пор остается наименее изученным этапом деятельности писателя. В 2015 г. была издана также монография В. В. Леденевой «Слово Лескова», в которой рассматривается «сверхтекст» поздней прозы писателя. На сегодняшний день книга В. В. Леденевой является единственным комплексным исследованием лесковской прозы 1890-х гг. с точки зрения прагматического, а также стилистического и когнитивного аспектов.

Самостоятельным «направлением» лескововедения 1990-х – 2000-х гг. стало изучение библейского контекста произведений писателя. Хотя обобщающей работы, посвященной вопросу рецепции Лесковым христианской литературы, до сих пор не появилось, на протяжении последних 30 лет постоянно публикуются статьи по данному вопросу. Наиболее последовательно исследуют проблему рецепции Лесковым библейской и святоотеческой литературы Т. Б. Ильинская, М. Лукашевич, И. Н. Минеева, О. М. Макаревич, А. А. Новикова-Строганова.

В последнее десятилетие диалогичность творчества писателя рассматривается преимущественно с точки зрения теории интертекстуальности (труды О. М. Гасниковой, И. В. Овчинниковой, Е. С. Шкапы). Значение данных работ заключается в выявлении ряда закономерностей функционирования элементов «чужого» текста в отдельных лесковских произведениях.

Обзор научных источников по проблематике диссертации свидетельствует о том, что проза Лескова в рецептивном аспекте до сих пор

систематически не изучалась, что препятствует осмыслению характера диалогичности и ее механизмов в творчестве писателя.

Объектом исследования выступил феномен рецепции в творчестве Лескова.

Предметом исследования являются коммуникативные, в частности рецептивные стратегии, которые выделяются с учетом одновременного функционирования произведений Лескова в двух коммуникативных цепях, в одной из которых писатель является реципиентом художественной информации, а в другой – ее отправителем. В первом случае предметом анализа выступают стратегии «присвоения» и интерпретации Лесковым «чужого» слова, творческий диалог с современниками и предшественниками, во втором – организация коммуникации с читателями.

Материалом исследования являются произведения Лескова 1860-х – 1890-х гг. различной дискурсивной природы: художественная проза (рассказ «Засуха» (1862), роман «Некуда» (1864), проложная легенда «Скоморох Памфалон» (1886), сказка «Час воли Божией» (1890), повести «Полунощники» (1890), «Юдоль» (1890), «Заячий ремиз» (1894)); художественно-публицистические произведения (очерки «Искандер и ходящие о нем толки» (1863), «Загадочный человек» (1870), историко-публицистические очерки «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1883)); публицистика (передовицы «Северной пчелы» (1862), служебная записка «О раскольниках г. Риги преимущественно по отношению к школам» (1863), некролог А. И. Герцену в «Русских общественных заметках» (1870), статьи «Лучший богомолец» (1886), «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (1886), «О рожне. Увет сынам противления» (1886), «Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э. Ф. Раден» (1886)). Кроме того, материалом диссертации выступают произведения современников и предшественников Лескова, ставшие объектом писательской рецепции: статьи

А. И. Герцена в «Колоколе» за 1862 г., публицистика М. Н. Каткова начала 1860-х гг., «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина (1849), «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского (1860–1861), произведения Л. Н. Толстого 1880-х – 1890-х гг. (народные рассказы, трактаты «Исследование догматического богословия» (1879–1880, 1884), «Соединение и перевод четырёх Евангелий» (1880–1881), «Исповедь» («Вступление к ненапечатанному сочинению») (1882), «Так что же нам делать?» (1882–1886) и «В чём моя вера?» (1882–1884), повесть «Крейцерова соната» (1890)). При выборе материала для исследования мы руководствуемся, во-первых, критерием изученности наследия писателя, преимущественно привлекая к анализу неисследованные или малоизученные лесковские тексты. Этот фактор является главной причиной того, почему в качестве материала работы не выступает проза Лескова 1870-х гг.: основные произведения писателя этого периода подробно проанализированы в монографиях А. А. Горелова, В. М. Головки, Е. В. Душечкиной, Б. С. Дыхановой, С. И. Зенкевич, Ж.-К. Маркадэ, И. Поспишила, И. В. Столяровой. Во-вторых, публицистика Лескова рассматривается нами наравне с его художественной прозой. Нами анализируются как тексты, имеющие сложную художественно-публицистическую природу (очерки), так и газетная публицистика писателя, стилевые особенности которой до сих пор фактически не привлекали внимание литературоведов. В-третьих, в исследовании изучается рецепция Лесковым произведений тех авторов современников и предшественников, которые оказали наиболее значительное влияние на формирование эстетических и мировоззренческих принципов писателя в разные периоды его жизни, что дает возможность проследить динамику развития художественного мира и индивидуального стиля Лескова.

Целью диссертации является исследование принципов художественной коммуникации, в частности рецептивных стратегий, в разных дискурсивных практиках и в различные периоды деятельности Лескова, выявление литературных и документальных источников творчества писателя,

рассмотрение особенностей формирования этических, эстетических и политических взглядов Лескова на основе рецепции и авторецепции, определение констант индивидуального стиля писателя.

Данная цель диктует круг **задач**, решаемых в диссертации:

– рассмотреть существующие в настоящее время методы исследования проблемы рецепции и на их основании выработать наиболее продуктивный подход к анализу произведений Лескова в рецептивном аспекте;

– выявить и охарактеризовать рецептивные стратегии в прозе Лескова, реализующиеся на двух коммуникативных уровнях: уровне интерпретации писателем «чужого» слова и уровне моделирования коммуникации с читателями;

– исследовать основные этапы рецепции герценовского «текста» в ранней прозе Лескова, которые дают возможность определить специфику формирования индивидуального стиля писателя;

– изучить принципы актуализации писателем исторических материалов, что позволит охарактеризовать соотношение документального и художественного дискурсов в историко-публицистических очерках Лескова;

– определить динамику рецепции Лесковым толстовского «текста», выявить причины интереса писателя к религиозно-нравственному учению Толстого, рассмотреть наиболее значимые пункты идеологического и эстетического «расхождения» двух художников слова;

– проанализировать особенности рецептивного синтеза в поздних произведениях Лескова, охарактеризовать функции организации текста-полилога и механизмы его формирования.

Научная новизна работы определяется тем, что в диссертации впервые проведено целостное исследование прозы Лескова в рецептивном аспекте, проанализированы рецептивные стратегии, свойственные прозе писателя на разных этапах его художественной деятельности, рассмотрение которых позволило проследить характер творческой эволюции автора. Впервые

проведено комплексное изучение особенностей лесковской рецепции поздней публицистики А. И. Герцена, литературного наследия и религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. К анализу привлечены и публицистические, и беллетристические произведения Лескова, что дало возможность охарактеризовать взаимодействие разных типов дискурсов в лесковском творчестве. Впервые проведен анализ историко-публицистических очерков Лескова 1880-х гг. в рецептивном аспекте, выявлены особенности актуализации и интерпретации писателем исторических источников, что позволило исследовать фактически не изученный этап творческой деятельности Лескова – его сотрудничество в «Историческом вестнике» С. Н. Шубинского. В диссертации впервые рассмотрена проблема авторецепции в прозе писателя. Для анализа привлечены малоисследованные тексты Лескова, в том числе до сих пор не введенные в научный оборот (Голодные харчи Толстого // Петербургская газета. 1891. № 305. 6 ноября; Нападки г. Михайловского на Л. Толстого // Петербургская газета. 1892. № 19. 20 января). Изучение известных текстов осуществлялось с точки зрения коммуникативного подхода, в том числе с учетом исследований прагматики художественного дискурса, что дало возможность уточнить научные представления об основных константах мировоззрения Лескова и о новаторстве его поэтики. Привлечение не изученного лескововедами материала и применение современных методов исследования (коммуникативный, рецептивный, прагматический подходы) позволило значительно дополнить и конкретизировать сведения о своеобразии сказового нарратива, сюжетосложения и стилистики произведений Лескова, об актуализации в творчестве писателя жанровых моделей анекдота и притчи. Новизна диссертации определяется также тем, что в ней введен в научный оборот ряд до сих пор неизвестных источников текстов писателя и предложены новые варианты интерпретации лесковских произведений с учетом выявленных претекстов.

Личный вклад автора в исследование. Автор самостоятельно сформулировал предмет, объект, цель и задачи исследования, проанализировал русскоязычную и иностранную литературу по исследуемой проблеме; разработал комплексную, многоуровневую методологию исследования; выявил и охарактеризовал рецептивные стратегии в прозе Лескова; исследовал основные этапы рецепции герценовского «текста» в ранней прозе писателя; изучил принципы актуализации писателем исторических материалов; определил динамику рецепции Лесковым толстовского «текста», выявил наиболее значимые пункты идеологического и эстетического расхождения двух художников слова; проанализировал особенности рецептивного синтеза в произведениях Лескова; целостно, на основании широкого круга литературных источников, рассмотрел особенности поэтики произведений Лескова различных жанров как единой художественной системы. Соискатель разработал и обоснованно применил к избранным для изучения классическим произведениям систему научных параметров, позволившую дать детальную характеристику творчества Лескова; выявил до сих пор не обнаруженные и не изученные межтекстовые связи в творческой практике писателя, научно обосновал новые варианты интерпретации его произведений, что дало возможность раскрыть своеобразие прозы Лескова и обнаружить истоки оригинальности и неповторимости его поэтики.

Теоретическая значимость исследования. Изучение литературного наследия Лескова проведено в диссертации исходя из понимания художественного текста как явления, функционирующего в единстве отношений «автор – читатель», что расширило теоретические представления о возможности применения рецептивного анализа при изучении русской классической литературы. В диссертации положено начало системному исследованию рецепции в прозе Лескова и раскрыто своеобразие современных методологических подходов к изучению проблемы индивидуального стиля, которое позволило восстановить картину развития поэтики Лескова.

Расширены и конкретизированы научные представления о характере творческого диалога Лескова и Герцена, Лескова и Толстого. В диссертации выявлено и охарактеризовано соотношение художественного и публицистического дискурсов в прозе Лескова на разных этапах его литературной деятельности, научно обоснована необходимость и перспективность исследования произведений, имеющих сложную дискурсивную природу, с точки зрения рецепции. В работе выделены и описаны разнообразные рецептивные стратегии, свойственные прозе Лескова. Методологическая значимость подобного подхода объясняется тем, что в представленную систему могут быть вписаны и другие произведения писателя, по тем или иным причинам не учтенные в данном исследовании. Изучение рецептивных аспектов прозы Лескова может послужить основанием для монографического анализа творчества других писателей в предложенном аспекте.

Рекомендации по использованию научных выводов и практическая значимость исследования. Результаты исследования в настоящее время используются в учебном процессе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, <http://yspu.org>) при преподавании таких дисциплин, как «История русской литературы», «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «Филологический анализ текста».

Материалы диссертации были применены при подготовке комментариев к Полному собранию сочинений Лескова в 30 т. (комментарии к текстам «По поводу “Крейцеровой сонаты”», ««Особенно чувствительно уязвила»», «Короткая расправа», «Курская трель о Толстом. Письмо в редакцию», «Нападки г. Михайловского на Л. Толстого», «Сплетни о Толстом», «Импровизаторы»²).

---

² Последний – совместно с Т. Б. Ильинской.

Результаты исследования целесообразно применять при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблеме рецепции, а также творчеству Лескова, Герцена, Толстого. Материалы диссертации используются и в практике школьного преподавания литературы. Они могут быть применены при руководстве индивидуальной научно-исследовательской работой студентов и аспирантов.

Теоретико-методологическую основу работы составили:

– отечественные и зарубежные исследования проблем коммуникации и прагматики художественного высказывания (М. М. Бахтин, С. Зассе, В. В. Леденева, Ю. М. Лотман, А. Д. Степанов, В. И. Тюпа, К. Штирле и др.);

– исследования проблем читателя и рецепции (А. Н. Безруков, В. Изер, Л. В. Чернец, У. Эко, Х. Р. Яусс и др.);

– труды ученых-нарратологов (Ж. Женетт, В. И. Тюпа, Б. А. Успенский, В. Шмид и др.);

– исследования, в которых разработана теория индивидуального стиля писателя в русле академической традиции отечественной филологической науки (В. В. Виноградов, А. Ф. Лосев, Ю. И. Минералов и др.);

– литературоведческие труды, посвященные контекстуальному анализу прозы Лескова (И. П. Видуэцкая, Т. Б. Ильинская, О. Е. Майорова, Н. И. Либан, А. А. Новикова-Строганова, Е. М. Пульхритудова, И. В. Столярова, А. А. Шелаева и др.)

– исследования поэтики Лескова (А. А. Горелов, Е. В. Душечкина, Б. С. Дыханова, О. В. Евдокимова, И. Поспишил, Н. Н. Старыгина, В. Ю. Троицкий).

Методы исследования

Для разностороннего осмысления проблемы рецепции в прозе Лескова в работе использован комплексный подход к изучению творчества писателя, основу которого составляют следующие классические и современные методы литературоведческого исследования:

– герменевтический метод, который реализуется в принципах диалогичности, контекстуальности, целостности, вариативности литературного текста, единства в нем формы и содержания;

– рецептивный метод, основанный на представлении о том, что рецепция возникает в результате диалога между текстом и его рецепиентом на фоне литературного и исторического контекста, а ее характер определяют стратегии текстового воздействия на читателя;

– коммуникативно-прагматический метод, ориентированный на исследование взаимоотношений между субъектом высказывания, текстом и реципиентом, принципов речевого воздействия на адресата;

– комплекс исследовательских методов теоретической поэтики, направленных на целостное изучение нарративных, сюжетных, мотивных, стиливых средств литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении всей литературной деятельности Лескова основными творческими стимулами для писателя, наряду с реальными жизненными импульсами, выступали рецепция и авторрецепция. Основными рецептивными стратегиями «присвоения» «чужого» слова, свойственными прозе Лескова, являются: рецепция как полемика, рецепция как мистификация, рецепция как согласие, рецепция как популяризация, рецепция как фактуализация, рецепция как игра. Каждая из этих стратегий направлена на то, чтобы сохранить индивидуальность претекстов, поскольку «заимствования» у Лескова всегда стилистически или семантически маркированы, а их выявление является необходимым этапом на пути к адекватной интерпретации авторского замысла.

2. В процессе организации художественной коммуникации Лесков наделяет читателя уникальной для русской литературы второй половины XIX в. свободой смыслообразования. Разнообразные способы нарраториального устранения авторской оценки (применение «объективного» письма в автобиографическом нарративе, обращение к «чужому» слову, в том числе

сказовому или стилизованному, принципы «стенографического» повествования), с одной стороны, и приемы активизации читателя (семантическая многослойность, интертекстуальность, организация текста как полилога, необычные заголовки, прием языковой «интриги», применение сюжета-«загадки» и т. д.), с другой, переносят акцент с фигуры отправителя сообщения – на фигуру его адресата, которому предоставляется право «собрать» в единое целое кажущиеся раздробленными фрагменты лесковского «палимпсеста».

3. Характер рецепции Лесковым произведений писателей современников и предшественников демонстрирует эволюцию идеологических и эстетических принципов писателя, в то же время обнажая динамическое единство разных периодов его творческой деятельности и произведений разной дискурсивной природы (художественных, публицистических, художественно-публицистических).

4. Рецепция творчества Герцена в произведениях Лескова 1860-х гг. двунаправлена: полемика с радикальными взглядами мыслителя сопровождалась усвоением новаторских приемов герценовской публицистики. Такие особенности поэтики Лескова, как синтез документального и художественного, проникновение в публицистическое высказывание нарратива, насыщенность текстов реминисценциями и цитатами, сложный интонационный рисунок, свидетельствуют о том, что проза Герцена выступала одним из значимых стилевых образцов для писателя.

5. Рецепция творчества Толстого в прозе Лескова 1880-х – 1890-х гг. проходила в два этапа: отчетливая полемическая направленность, свойственная лесковским текстам 1886 г., впоследствии уступает место скрытой полемике (в художественной прозе) и открытой популяризации (преимущественно в публицистике). Лесков расценивал религиозно-нравственное учение Толстого как интерпретацию Евангелия и указывал на его «генезис», сопрягая толстовские цитаты и евангельские аллюзии. Внимание, уделенное в прозе

Толстого проблеме «внутреннего человека», стало основным фактором того, что толстовский текст органично вписался в произведения Лескова, обогатив созданный писателем тип «праведника».

6. Для публицистики и художественной прозы Лескова свойственно комплексное применение различных рецептивных стратегий, которое определяется устойчивым стремлением писателя преобразовать диалог в полилог за счет максимального расширения контекстуального поля произведений. Организация полилога органично соответствует основной нарративной доминанте лесковской прозы: отказ от прямого выражения авторской позиции и желание компенсировать ее «чужим» словом является одним из значимых качеств текстов Лескова.

7. В стилевом плане рецепция «чужого» слова осуществлялась Лесковым как его «присвоение», то есть включение в собственную художественную систему. Этот процесс сопровождался трансформацией претекста: редукцией или гиперболизацией отдельных элементов, модификацией языкового оформления и интонационного звучания, контекстуальными изменениями. Контекстуальное «приращение» смысла выступает как принципиальный механизм семантического и стилистического обогащения лесковских произведений. Модификация текстов-«доноров» сопровождалась такой стилевой организацией текста-«реципиента», которая позволяла бы включить в него элементы «чужого» слова без ущерба для целостности и оригинальности высказывания. Специфические особенности поэтики Лескова (свободная жанровая и композиционная форма, активное обращение к сказовым приемам письма, предполагающее ослабление сюжетных связей за счет усиления связей эквивалентных, смелое сочетание интонаций) обеспечивали возможность сложного рецептивного синтеза в художественно-публицистической и собственно художественной прозе писателя.

8. Начиная с рубежа 1860-х – 1870-х гг. Лесков неизменно стремился уйти от политической и социальной конкретизации, увидеть в проблеме нравственные, а часто и духовные составляющие. Этическая программа Лескова воплощает традиционные религиозные и нравственные ценности и является выражением «классического» типа мышления. В то же время эстетические подходы писателя, получившие особенное развитие в его поздней прозе (активизация читателя, жанровый эксперимент, отказ от линейного повествования, игровые приемы письма, в том числе интертекстуальность), предвосхищают поэтику модернизма. Творчество Лескова 1890-х гг. отражает фундаментальные сдвиги, которые происходили в литературном процессе и свидетельствовали о постепенном переходе от классического русского реализма к неклассическим формам письма.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 10. 01. 01 – русская литература, в частности следующим областям исследования: 3. История русской литературы XIX века (1800–1890-е гг.); 8. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; 9. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии; 11. Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т. п.; 12. Взаимобусловленность различных видов литературного творчества: письма, дневники, записные книжки, записи устных рассказов и т. п.; 18. Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях, коллоквиумах и форумах: «Ярославский край. Наше общество в третьем десятилетии: XVIII областная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых вузов» (Ярославль, 2008), «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2007–2018), «Взаимодействие вуза и школы в

преподавании отечественной литературы: художественный текст как предмет изучения в школе и вузе» (Ярославль, 2010–2013), IX–XI фестивали «Учитель русской словесности» (Москва, 2009–2011), интернет-конференция «Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации» (Ярославль, 2010), II–III международные интернет-конференции «Лесковиана. Творчество Н. С. Лескова» (Орел, 2009, 2010), «Человек. Русский язык. Информационное пространство» (Ярославль, 2007–2015), VIII научно-методическая конференция «Гуманитарные науки и православная культура» (VIII Пасхальные чтения) (Москва, 2010), всероссийская интернет-конференция с международным участием «Святоотеческие традиции в русской литературе» (Омск, 2010), III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 80-летию члена-корреспондента РАН Н. Н. Скатова «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2011), «Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика» (Москва, 2011), XVIII Всероссийская научно-методическая конференция «Мировая словесность для детей и о детях» (Москва, 2013), IV и V Международные научно-практические конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2013, 2015), Международная научная конференция «Голоса русской провинции» (Ярославль, 2015), Всероссийская научно-практическая конференция «Филологические чтения» (Ярославль, 2016), XXXIV–XXXVI Международные Толстовские чтения (Тула 2014, 2016, 2018), Всероссийская научно-практическая конференция «Проблема изгнания: русский и американский контексты» (Ярославль, 2016), Межрегиональная научно-практическая конференция «Детская книга: автор – художник – читатель» (Ярославль, 2016), I международный Брненский коллоквиум, посвященный творчеству Н. С. Лескова (Чехия, Брно, 2017). Апробация работы проводилась на кафедре русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Основные положения диссертации были апробированы при чтении лекционных курсов по русской литературе XIX в. и при осуществлении научно-исследовательского проекта «Поздний Н. С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов», который удостоился гранта РФФИ в 2015–2017 гг. (№ 15–04–00192). Основное содержание диссертации отражено в монографии «“Трудный рост”: рецепция в прозе Н. С. Лескова», получившей положительные отзывы рецензентов, в серии статей в журналах, входящих в базу данных Web of science (1 публикация) и в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ (20 публикаций), в статьях и материалах докладов международных, всероссийских и региональных конференций. В 2014 г. по результатам международного конкурса научных статей «Тело как спектакль: литературные и культурные проекции» (Украина, Бердянский государственный педагогический университет, Центр гендерных исследований, 2014) работа «Телесный дискурс в исторической публицистике Н. С. Лескова» получила диплом 3 степени.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка источников и литературы, включающего 478 наименований. Общий объем работы – 418 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, обозначается степень разработанности проблемы, раскрываются актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования, характеризуются его теоретико-методологические основы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, обосновываются теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе – **«Методологические подходы к исследованию проблемы рецепции в современном литературоведении»** – обосновывается

методологическая база для научного исследования творчества Лескова с точки зрения рецепции.

На основе анализа литературы сделан вывод о том, что рецептивная эстетика выступила значимым этапом в эволюции гуманитарной мысли прошлого столетия, возникнув в результате развития, а порой и переосмысления наиболее авторитетных в первой половине XX века подходов к анализу явлений культуры – герменевтики и феноменологии. Рецептивная эстетика провозгласила «открытость» художественного текста, его диалогическую вовлеченность в процесс исторического развития. Взгляд на литературу с точки зрения читателя позволил ученым констанцской школы конкретизировать представления о ее социальном статусе, о зависимости литературного произведения от его исторического «места», от условий функционирования в культуре и обществе. В соответствии с позицией исследователей в диссертации произведения Лескова рассматриваются как явления, находящиеся в постоянном взаимодействии с текстами-предшественниками и с читателями.

Утверждение рецептивной эстетикой историзма, диалогичности и социальности литературы стало той базой, на которой произошло сближение между теорией рецепции и другими коммуникативными подходами к анализу художественного текста: теорией диалога М. М. Бахтина, прагматикой художественного дискурса. Современным отечественным литературоведением рецепция трактуется как итоговое звено художественной коммуникации, а литературное произведение – как продукт культуры, «открытый» межтекстовой реальности и участию читателя в его завершении. В таком значении термин «рецепция» применяется и в реферируемом исследовании, что соответствует сложившейся на сегодняшнее время в России филологической практике (Е. В. Абрамовских, А. Н. Безруков, Н. Г. Коптелова, В. А. Пронин, А. А. Рябова и др.) Понятие рецепции рассматривается в диссертации в соответствии с определением В. И. Тюпы, который под «рецептивной

компетенцией эстетического дискурса» понимает «со-творческое сопереживание между организатором коммуникативного события (автором) и его реализатором (читателем) относительно объединяющего <...> их эстетического объекта»³.

Для более полной характеристики рассматриваемой в диссертации проблемы в главе были проанализированы различные научные подходы к фигуре читателя (А. И. Белецкий, В. Изер, М. Риффатер, Л. В. Чернец, С. Чэтмен, У. Эко, Х.-Р. Яусс и др.), на основании чего был сделан вывод о том, что современное литературоведение, утверждая активное участие читателя в художественном процессе, в то же время преодолело крайности рецептивной эстетики в абсолютизации роли читателя, которые были свойственны констанцской школе в момент ее зарождения. В диссертации чтение трактуется как процесс заполнения «пробелов», допущенных писателем, ликвидация «мест неполной определенности» (Р. Ингарден). В реальном акте рецепции конкретизация и интерпретация художественного текста осуществляются одновременно. В главе сделан вывод о том, что роль писателя заключается в таком оформлении художественного произведения, которое позволило бы надлежащим образом организовать процесс читательской рецепции в соответствии с авторским замыслом. При анализе произведений Лескова в диссертации уделяется отдельное внимание вопросам моделирования (конструирования) писателем фигуры читателя собственных текстов.

В настоящее время рецептивная эстетика развивается в тесном взаимодействии с лингвопрагматикой и социологией литературы в рамках разработки прагматического подхода к художественному дискурсу (С. Зассе, О. А. Ковалев, А. С. Степанов, К. Штирле и др.). Вслед за специалистами по эстетической коммуникации в диссертации процедуры письма и чтения трактуются перформативно, а авторские действия характеризуются как

---

³ Тюпа, В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) [Текст] / В. И. Тюпа. – М. : Лабиринт, РГГУ, 2001. – С. 33.

«стратегии». Преимущество употребления понятия «рецептивные стратегии» применительно к «читательской» практике Лескова объясняется тем, что оно указывает на активный характер реальной рецептивной деятельности писателя. При рассмотрении рецептивной практики Лескова в диссертации предметом анализа выступает не виртуальный процесс актуализации смысла, а его результат – литературное творчество, акт которого закреплен в создании нового произведения. В диссертации утверждается единство интерпретационной и творческой деятельности, а рецепция осмысливается как основа для создания Лесковым собственного высказывания. В работе выделены два значимых для анализа аспекта проблемы активной рецепции⁴: выяснение принципов интерпретации писателем «чужого» слова и исследование того, как «чужое» слово функционирует в новой текстовой системе с учетом направленности высказывания на читателя.

Вторая глава диссертации – **«Творчество А. И. Герцена в рецепции Н. С. Лескова»** – посвящена исследованию рецепции Лесковым публицистической деятельности Герцена.

В первом параграфе – **«Полемика с А. И. Герценом в прозе Н. С. Лескова первой половины 1860-х гг.»** – отмечается, что начальный этап рецепции Лесковым деятельности Герцена связан с сотрудничеством писателя в газете П. С. Усова «Северная пчела» (1862). Анализ передовых статей Лескова в «Северной пчеле», которые представляют собой характерный пример публицистической прозы писателя начала 1860-х гг., позволяет диссертанту заключить, что особенности поэтики произведений определяются их полемической направленностью. Насыщение передовиц аллюзиями и перифразами, введение сюжетного начала, актуализация приемов иронического письма дали писателю возможность обозначить свою позицию по острым вопросам реформенного времени.

---

⁴ В терминологии Е. В. Абрамовских – «креативной» рецепции.

После вынужденного прекращения сотрудничества с «Северной пчелой» Лесков вернулся к герценовскому вопросу в очерке «Искандер и ходящие о нем толки» (1863), который входит в цикл путевых заметок «Русское общество в Париже». В результате анализа очерка в параграфе выявлены изменения в рецепции Лесковым деятельности Герцена и модификация публицистического стиля писателя. Обобщенное «мы», от лица которого Лесков выступал в передовицах, трансформируется в автобиографическую Я-наррацию, на смену резкому и смелому тону приходят элегические интонации, вызванные дистанцией между временем повествования и временем повествуемых событий, которая свойственна автобиографической наррации и акцентируется писателем. Настойчивое обращение писателя к моральным качествам Герцена демонстрирует трансформацию нарраториального ракурса. Важным средством формирования обобщенной точки зрения выступают библейские аллюзии. В параграфе доказано, что очерк Лескова по своему фельетонному характеру и аллюзиям на личности современников, а также по серьезности постановки нравственных проблем с опорой на религиозные постулаты, близок первому крупному произведению писателя, роману «Некуда» (1864). Реальные личности, которые упомянуты в очерке, стали прототипами героев романа. Судьба Райнера-младшего в романе «Некуда» является воплощением трагических последствий пропагандистской деятельности Герцена, о которых Лесков писал в очерке.

Результаты проведенного анализа позволили диссертанту сделать вывод о том, что конфликт между Лесковым и «демократической» печатью не означал исчезновения интереса писателя к личности и деятельности Герцена, но стимулировал Лескова апеллировать к имени своего знаменитого современника. В сознании писателя имя Герцена стало ассоциироваться с петербургскими пожарами, легкомыслием революционных агитаторов и принесенными в жертву революционной теории жизнями юношей-«фанатиков». Созданные после 1862 г. произведения Лескова относятся к тому

периоду деятельности писателя, когда для него закрылись публицистические разделы ведущих изданий, что привело к изменениям в авторском позиционировании и в его индивидуальном стиле. Если в газетных статьях личность Герцена представала неоднозначно, то в лесковских текстах середины 1860-х гг. образ лондонского публициста утрирован. Оптимистическим интонациям молодого журналиста приходит на смену резкая оценка деятельности Герцена и фельетонное заострение лицемерия и безнравственности воспитанного им поколения нигилистов. В параграфе показано, что злободневность лесковских передовиц сменяется генерализацией, воплощающейся в стремлении автора осмыслить текущие события в этическом и духовном ключе, знаком чего становится обращение к религиозной образности.

Во втором параграфе – **«Интерпретация образа А. И. Герцена в произведениях Н. С. Лескова рубежа 1860-х – 1870-х гг.»** – проанализирован некролог Лескова о Герцене («Русские общественные заметки», январь 1870 г.) и очерк «Загадочный человек» (1870). В параграфе выявлено, что некролог написан в возвышенном стиле, который свойствен ряду ранних произведений писателя. Тропы (метафоры, перифразы, эпитеты) и стилистические фигуры (инверсии, параллелизмы, антитезы), ритмическое построение предложений, актуализация библейской фразеологии позволяют Лескову придать повествованию торжественную и приподнятую интонацию. Писатель рассматривает деятельность Герцена в религиозных категориях (смирение, вина, покаяние), тем самым предлагая читателю вместо своего личного взгляда на Герцена объективную его оценку. От биографических и политических деталей Лесков переходит к дидактическому «поучению» читателей, расценивая жизнь Герцена как пример нравственной максимы. Принципиальное для некролога морализаторское начало приводит к тому, что Лесков обращается к развернутым цитатам из Патерика и эпилога романа Толстого «Война и мир» (1863–1869): каждый из приведенных Лесковым

примеров представляет собой притчу, которая должна пояснить читателю духовные истоки трагической противоречивости личности лондонского публициста.

В параграфе продемонстрировано, что изменения в рецепции Лесковым образа Герцена наиболее отчетливо проявились в очерке «Загадочный человек», который относится к наиболее острым высказываниям Лескова рубежа 1860-х гг. – 1870-х гг. Жанр исторического очерка, избранный писателем как форма самозащиты, дал ему возможность смелого изображения событий недавнего прошлого, главные герои которых появляются в тексте под собственными именами. В отличие от романа «Некуда», который написан фактически на том же самом материале, что и «Загадочный человек», очерк имеет моноцентрическую композицию и сосредоточен на раскрытии образа Артура Бенни.

Проведенный в параграфе анализ позволил прийти к выводу, что главный структурный принцип организации документального материала в очерке заключается в столкновении романтизированных представлений сторонника герценовских идеалов и практики отечественной действительности. В кульминационных сценах текста сопряжение трагических и комических интонаций доходит до степени гротеска, а актуализируемые писателем грубые телесные образы выступают как воплощение «реальности» русской жизни. Диссертантом выявлено, что фигура Артура Бенни в «Загадочном человеке», как и образ Райнера в «Некуда, напрямую предвосхищают тип лесковского праведника, к разработке которого писатель приступит в 1870-е гг. Парадоксальность созданного писателем образа определяется тем, что в лучших своих чертах фигура Бенни перекликается с образом Герцена. Параллели между образами двух героев подчеркивают общую причину трагического итога их жизней: в трактовке Лескова она заключается в фанатичной преданности революционной теории.

На основе анализа произведений Лескова 1860-х – начала 1870-х гг., объединенных именем Герцена, в диссертации сделан вывод о том, что эти тексты первого десятилетия творческой работы писателя важны не только для уяснения авторской позиции – а Лесков вошел в литературу как вполне сложившаяся личность, – но и для понимания основ его публицистического и художественного стиля. В главе продемонстрировано, что в раннем творчестве писателя рецепция герценовского «текста» проходила в два этапа, первый из которых хронологически укладывается в 1862–1864 гг., второй – в 1869–1870 гг. На первом этапе восприятие писателем произведений Герцена осуществлялось в рамках текущей журнальной полемики. В этот период определился круг произведений, которые выступали основным источником для лесковских цитирований: политические статьи Герцена в «Колоколе» за 1862 г. («Журналисты и террористы», «Молодая и старая Россия» и др.).

Диссертантом установлено, что передовицы в «Северной пчеле» – это не только полемика с Герценом, но и полемика по «герценовскому вопросу». Начиная с первых своих статей, писатель стремится перейти от диалога к полилогу, что выражается во включении в тексты максимального количества различных точек зрения на поднятую проблему. Мишенью для полемических выводов публициста выступают наиболее авторитетные издания разной политической ориентации: Лесков-шестидесятник идет «против течений», отстаивает независимость своей позиции перед Герценом и Н. Г. Чернышевским, перед безымянным автором «Молодой России» и перед М. Н. Катковым.

В главе продемонстрировано, что лесковские произведения о Герцене рубежа 1860-х – 1870-х гг. генетически связаны с его выступлениями первой половины 1860-х: некролог полон тех же аллюзий на политическую публицистику писателя, что и передовицы «Северной пчелы», а «Загадочный человек» близок к тому, чтобы стать историческим комментарием к роману «Некуда». Между тем, авторецепция у Лескова – это не самоповторение, а

переосмысление исходного текста. С течением времени писатель по-иному реализовал оппозицию революционной теории и практики, которая определяла проблематику его герценовских выступлений первой половины 1860-х гг. Эта содержательная антитеза не исчезает совсем, но в образе Герцена Лесков соединяет контрастные характеристики, в итоге интерпретируя публициста и как пропагандиста революционных идеалов – и как их жертву.

Проведенный в главе анализ позволил диссертанту доказать, что начиная с середины 1860-х гг. рецепция Лесковым герценовского текста определяется стремлением писателя оценить политическую публицистику Герцена в нравственном и духовном ключе. Писатель организует документальный материал по законам художественного текста, что отчетливо проявилось как в очерке «Загадочный человек», так и в некрологе, посвященном Герцену. Основополагающие черты поэтики этих произведений – проникновение в публицистическое высказывание нарратива, насыщенность текста реминисценциями и цитатами, сложный интонационный рисунок, в котором трагическое стремится обернуться комическим и наоборот, – предвосхищают стилевые особенности зрелых текстов Лескова и дают писателю возможность, избегая прямых оценок, предоставить право самому читателю сделать выводы о причинах и истоках трагедии личности Герцена. Именно Герцен выступает непосредственным предшественником писателя по обогащению публицистики художественными приемами подобного рода. В текстах писателя актуализируется и другая стилевая черта поздней герценовской прозы: новаторский синтез документального и художественного. Тот факт, что творчество Герцена было одним из значимых стилевых образцов для начинающего публициста, также определил нелинейность интерпретации образа Герцена в ранней прозе Лескова.

Анализ произведений Лескова 1860-х – начала 1870-х гг. дал возможность диссертанту выявить следующие принципы рецепции писателем творчества Герцена: полемика как основная рецептивная стратегия, прямо

выраженное несогласие писателя с содержанием выступлений Герцена; постепенный отказ от политической конкретизации в пользу нравственной оценки личности Герцена; авторрецепция, вызванная стремлением переосмыслить собственные тексты; трансформация диалога в полилог; усвоение стилевых особенностей поздней герценовской прозы.

В третьей главе работы – **«Рецепция исторических документов в публицистике Н. С. Лескова 1880-х гг.»** – рассматриваются принципы рецепции писателем исторических источников.

В первом параграфе – **«Рецепция и авторрецепция в очерке Н. С. Лескова “Иродова работа”»** – отмечается, что документальный материал для очерка «Иродова работа» (1882) Лесков заимствует из служебной записки «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам», написанной им в 1863 г. В основе историко-публицистического очерка лежат картины близкого автору исторического прошлого. Внимание к событиям недавней истории, начиная с «Загадочного человека», является характерной чертой исторической прозы писателя, что предопределяет ее публицистический характер.

Результаты проведенного в параграфе анализа дали диссертанту возможность прийти к заключению, что лесковский очерк начала 1880-х гг., по сравнению с очерком «Загадочный человек», в основе которого также лежал портрет исторической личности, имеет более сложную композиционную и повествовательную организацию. Лесков отказывается от каких бы то ни было жанровых клише, ориентация на которые заметна в жизнеописании А. Бенни (роман-путешествие, роман-воспитание, роман-жизнеописание). Разнородный документальный материал, привлекаемый писателем, скрепляется сюжетом хроникального типа и системой мотивов. В очерке «Иродова работа» в качестве основных лейтмотивов функционируют евангельские образы, которые объединяют разнообразные «картины» времен деятельности князя А. А. Суворова, приводимые Лесковым. Библейские образы выступают в

качестве «аккомпанемента» и обогащают смысловое пространство произведения. Привлечение евангельских аллюзий позволяет писателю подчеркнуть насильственный характер деятельности князя Суворова и представителей православной церкви, которые равно выполняют «иродову работу» по отношению к детям рижских раскольников. Произведение является характерным примером авторецепции: официальная служебная записка под пером писателя превращается в многослойный и емкий текст, который по своей смысловой глубине значительно превосходит традиционный жанр журнального очерка.

Во втором параграфе – «**Документальное и художественное в очерке Н. С. Лескова “Русские деятели в Остзейском крае”**» – отмечается, что фактическим основанием очерка выступило письмо Ю. Ф. Самарина, примыкающее к «Письмам из Риги» (1849).

Рассмотрение очерка «Русские деятели в Остзейском крае» позволило обнаружить, что при публикации письма Самарина Лесков точно воспроизводит его фактическую основу, однако трансформирует нарративную организацию претекста. В параграфе продемонстрировано, что подчеркивание роли «героя» очерка (Суворова) как субъекта мысли, речи и действия, а также организация в тексте временной последовательности позволяют Лескову придать фактам статус «события», результатом чего становится возникновение в очерке нарративной структуры. Если в письме Самарина роль текстообразующей доминанты выполняла констатация, то есть передача стабильного состояния, то в изложении Лескова на первый план выходят изменения, динамика событий рождает рассказ. Смена дискурса влечет за собой активизацию адресата произведения: новый текст ориентирован на потенциального читателя, которого он стремится сделать свидетелем сообщения. В параграфе доказано, что характерологическая стратегия, выбранная Лесковым для создания образа исторической личности, свойственна анекдотическому повествованию. В очерке востребованы такие его

особенности, как изображение частной жизни государственного лица, «невероятность» приводимых фактов, иронически сниженные описания, сюжетообразующая функция диалога, активизация адресата текста. В очерке писателя серьезное оборачивается курьезным, торжественная риторика сменяется иронией, монолог становится диалогом.

В главе выявлено, что парадоксальность историко-публицистических очерков Лескова определяется тем, что основой для авторского высказывания в них служит «чужой» текст, а это ставит перед писателем, выступающим в роли журналиста, трудную задачу. Анализ очерков позволил обнаружить принципиальную особенность работы Лескова с оригинальным материалом: писатель выбирает стратегию не точного воспроизведения исходного текста, а пересказа, цитатный дискурс в очерках сменяется дискурсом транспонированным (дискурсом косвенной речи). Выбор такой стратегии открывает перед автором широкие возможности создания текстопалимпсестов, построенных на наложении и взаимопроникновении нескольких точек зрения, способов осмысления проблемы. Подчеркиваемая писателем документальная основа очерков, на которую он неоднократно указывает, сочетается с авторским вымыслом, «чужое» становится «своим», факты оборачиваются мистификацией. На первый план при создании «Иродовой работы» и «Русских деятелей в Остзейском крае» выходит не фактическая точность, а убеждение читателя в верности заявленных Лесковым тезисов.

Анализ текстов очерков позволил диссертанту выделить следующие принципы рецепции Лесковым документальных материалов: публицистичность как стремление писателя ввести события недавнего прошлого в современный социальный и политический контекст; актуализация художественных приемов письма (нарративизация, контекстуализация, диалогизация, фикционализация); ориентация на жанр исторического анекдота; насыщение текста приемами активизации читателя, мотивированное парадоксальным для публицистики стремлением уйти от прямых авторских

оценок; реализация рецептивной стратегии мистификации, свободная трактовка исторических фактов и реальных личностей.

В четвертой главе работы – **«Толстовский текст в прозе Н. С. Лескова 1880-х – 1890-х гг.»** – предметом исследования стала одна из наиболее сложных и принципиальных проблем позднего творчества Лескова: рецепция писателем религиозно-нравственного учения и литературного наследия Толстого.

В первом параграфе главы – **«Н. С. Лесков о “практическом христианстве” Л. Н. Толстого»** – отмечается, что основной рецептивный вектор, свойственный критическим статьям Лескова о произведениях Толстого, резко выделяется на фоне наиболее авторитетной в последней трети XIX в. социальной критики. В статьях «Лучший богомолец» (1886) и «О рожне. Увет сынам противления» (1886) писатель противопоставил разборам А. М. Скабичевского и Н. К. Михайловского анализ текстов Толстого с этической и религиозной позиции. Для этого Лесков сопрягает цитаты из Толстого с текстами Евангелия и проложных житий. В результате сделанных писателем сопоставлений в его интерпретации произведений Толстого на первый план выходит проблема внутренней духовной жизни. Признав за главное достоинство толстовского учения попытку реализовать на практике принципы «религии любви», Лесков в то же время ставит под сомнение идею постепенного личностного совершенствования, которая лежит в основании религиозных трактатов Толстого. Вступая с Толстым в полемику, Лесков прибегает к рецептивной стратегии, которую можно было бы назвать «фактуализацией»: теоретизированию Толстого писатель противопоставляет события, наделенные статусом «реальных» фактов.

Диссертантом установлено, что Лесков не ограничился собственно публицистической полемикой с Толстым. Художественной реализацией изложенного в статьях понимания специфики христианской жизни стали произведения, над которыми Лесков работал во второй половине 1880-х гг., прежде всего, переложения проложных житий. Внимание Лескова к Прологу

было пристальным и привело к созданию произведений, разнообразных по своей форме. Среди них – как близкие простонародным рассказам Толстого лаконичные притчи «Повесть о богоугодном древоколе» (1886) и «Прекрасная Аза» (1888), так и многостраничные «обстановочные» повести «Гора» (1890), «Невинный Пруденций» (1891) и «Оскорбленная Нетэта» (1891) с их мелодраматическими сюжетами. Работая над проложными переложениями, Лесков в полной мере отдал дань своему увлечению исторической реконструкцией и языковой стилизацией, однако проложные легенды – это не только и не столько стилизация. Объединяет эти разнородные тексты как стремление Лескова воссоздать колорит эпохи, так и необходимость изобразить интенсивный нравственный поиск героев, а также его результаты.

В параграфе проанализирована легенда Лескова «Скоморох Памфалон» (1886), в которой наиболее отчетливо отразилась полемика писателя с толстовскими взглядами на практику христианской жизни. Полемизируя с Толстым о пути нравственного и духовного совершенствования, Лесков предлагает и собственный стилизованный вариант изложения средневекового житийного сказания. Писатель воспроизводит характерное для средневековой литературы и столь близкое его индивидуальному стилю стремление «украсить» слово. Насыщенная звуковыми, лексическими и синтаксическими средствами выразительности речь проложных легенд призвана «заразить» читателя теми возвышенными чувствами и эмоциями, которые переживают лесковские герои. Для легенд свойственно редкое для Лескова стилистическое и интонационное единство, в котором нет места элементам разговорной речи, а речь героев и нарратора выдержана в фразеологическом плане совершенно ровно.

В параграфе продемонстрировано, что одним из последних опытов Лескова по созданию текстов «в традиции» народных рассказов Толстого выступает сказка «Час воли Божией» (1890). Актуализируя фольклорные образы, Лесков в то же время придал своему тексту злободневный смысл, что

делает произведение близким сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако, в отличие от «сказок для детей изрядного возраста», острота политических аллюзий у Лескова сглаживается благодаря общей игровой направленности текста. В ее интонационной палитре основной тон составляет не сатира, а ирония, возникающая в результате несовпадения между представленной в тексте точкой зрения «наивного» фольклорного нарратора и скрытой за ней авторской позицией.

Проведенный в параграфе анализ позволил диссертанту прийти к заключению, что создание «византийских» легенд, а позднее сказки «Час воли Божией», сопровождалось усвоением Лесковым некоторых особенностей стилевой манеры позднего Толстого. Условные жанры сказки и легенды близки не только их установкой на занимательность и не ограниченный реалистическим правдоподобием вымысел. Другой стороной этих жанров – и в этом основная причина их востребованности и Толстым, и Лесковым – является тяготение к обобщению и аллегории. Иносказательный потенциал сказки и легенды в авторских интерпретациях этих жанров усиливается, поэтому они приобретают черты притчевой поэтики. Назидание, в целом свойственное развлекательным жанрам легенды и сказки, под пером классиков перерастает в мораль.

Диссертантом доказано, что поэтика лесковских текстов демонстрирует и моменты стилистического «спора» с Толстым. В отличие от цикла народных рассказов последнего, в котором разнообразные источники (басни, легенды, сказки, притчи) благодаря авторской интерпретации приобретали единство, определяющееся актуализацией принципов притчевой поэтики, легенды и сказки Лескова сохраняют изначально присущую этим жанрам установку на занимательность. Богатый событиями сюжет, экзотические детали, прихотливый язык, яркие, необычные характеры, разветвленная сеть аллюзий являются непосредственным отражением отношения Лескова к искусству слова. Писателю был непонятен аскетический пафос Толстого, который

стремился наложить строгие ограничения на художественное творчество. Лучшие из «византийских» легенд Лескова представляют собой пример единства этики и эстетики: красота языка в них необходима для передачи высоты духовного состояния героев, несущих подвиги смирения и самоотречения.

В сказке «Час воли Божией» Лесков обращается к игровой рецепции толстовского текста, центральный для сказки мотив поиска истины «растворяется» в изобилии деталей, интонаций и стилистических обертонов. Насыщение сказки скрытыми цитатами и политическими аллюзиями формирует многоуровневое смысловое пространство, активизирует адресата текста. Откровенной назидательности народных рассказов Толстого Лесков противопоставляет завуалированность авторской позиции, предлагая читателю вместо поучительной «проповеди» замысловатую загадку.

Во втором параграфе главы – **«Проблема семьи и “женский вопрос” в прозе Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого рубежа 1880-х – 1890-х гг.»** – отмечается, что в общественной полемике вокруг религиозно-нравственного учения Толстого одним из наиболее острых моментов был вопрос о роли женщины в семье и обществе. Лесков откликнулся на публикацию главы «Женщинам» из толстовского трактата «Так что же нам делать?» статьей «Загробный свидетель за женщин» (1886), которая представляет собой публикацию письма Н. И. Пирогова, сопровождающегося авторскими предисловием и послесловием.

Большая часть цитируемого письма посвящена описанию деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. Слова Пирогова, характеризующие общину с лучшей стороны, сами собой свидетельствуют «против» позиции Толстого, который в трактате видел главным предназначением женщины семейную жизнь, и не требуют уточняющих авторских замечаний. В заключительных словах письма лаконично представлен тот идеал женщины, который в целом характерен для лесковской прозы.

«Практичность рассудка» и «чувствительность сердца» свойственны многочисленным героиням произведений Лескова, начиная с первых романов. На рубеже 1880-х – 1890-х гг. именно женщина или молодая девушка становится центральным «положительным» персонажем прозы писателя. Диссертантом доказано, что на примере образов женских героинь писатель сделал попытку перейти от критики толстовских взглядов к утверждению «положительной» стороны толстовского учения.

Изменения в рецепции Лесковым толстовского «текста» произошли после личной встречи писателей, которая состоялась в апреле 1887 г. в доме Толстого в Хамовниках и вылилась в переписку, ставшую утешением для Лескова в тяжелые для него годы болезни. С этого времени писатель перестает напрямую касаться проблемных для него аспектов религиозно-нравственного учения Толстого, что отразилось на характере его «толстовской» публицистики. На смену развернутым аналитическим статьям, посвященным Толстому, приходят многочисленные краткие заметки, разбросанные по страницам «Нового времени» и «Петербургской газеты». Лесков выступает в печати как человек, хорошо знакомый с Толстым, близко знающий яснополянский быт и стремящийся «защитить» от нападков журналистов своего современника, который стал одной из ключевых фигур медийного пространства России конца XIX в.

С другой стороны, писатель все более настойчиво обращается к толстовскому «тексту» в собственно художественной прозе. Созданные на рубеже 1890-х гг. произведения в основном составили 11, самый «толстовский» том собрания его сочинений. Одним из первых художественных произведений Лескова, написанных после личного знакомства с Толстым, стал фрагмент «рассказа кстати» «По поводу “Крейцеровой сонаты”» (1890). Этот текст представляет собой одну из первых попыток писателя соотнести – и противопоставить – ракурс героя-мужчины, преобладающий в поздней прозе Толстого, на точку зрения женской героини. В результате анализа в параграфе

выявлено, что Лесков предпринимает попытку стилизового усвоения «манеры» позднего Толстого. Благодаря актуализации фигуры автобиографического нарратора писатель приближается к нарраториальной идеологической перспективе, свойственной толстовской повести «Крейцера соната». Прямолинейность и дидактичность, с которыми Лесков выражает мысли по поводу проблемы семьи, не вполне гармоничны для его индивидуального стиля. Неорганичность для художественной манеры писателя ведения повествования от лица нарратора, чья точка зрения максимально приближена к авторской и прямо выражена в тексте, стала одной из тех причин, по которым рассказ так и не был завершен.

Несмотря на настороженность, с которой писатель отнесся к «призыву к идеальному воздержанию», увиденному им в «Крейцеровой сонате», эта идея привлекла большой интерес Лескова и получила свое развитие в повестях «Полунощники» (1890) и «Зимний день» (1894). В «Полунощниках» писатель наиболее полно отразил практическую сторону религиозно-нравственного учения Толстого в том виде, в каком оно сложилось к началу 1890-х гг. В параграфе установлено, что в «Полунощниках» толстовский монолог растворяется в речевом избытке, «exuberance» лесковского текста. Он попадает на пересечение многочисленных точек зрения, среди которых – и близкие ему (евангельский текст), и принципиально отделенные (позиции Марьи Мартыновны, одного «духовного лица»). Функция итоговой оценки принадлежит в тексте читателю, активизации которого способствуют многочисленные приемы, к которым прибегает автор. Главным следствием организации композиции точек зрения становится исчезновение в повести проповеднической интонации. Место всезнающего нарратора, свойственного трактатам Толстого, несмотря на их перволичную повествовательную форму, у Лескова остается свободным. Рецепция Лесковым толстовского текста проходит по двум направлениям: содержательное «притяжение» сочетается со стилизовым «отталкиванием».

В параграфе выявлено, что писатель расценивает религиозно-нравственное учение Толстого как интерпретацию Евангелия. Благодаря постоянному сопряжению цитат из текстов Толстого и Евангелия, Лесков обнажает генезис толстовской «проповеди». Если в критических заметках 1886 г. сопоставление слова Толстого и евангельского слова служило полемическим целям, то теперь писатель стремится продемонстрировать близость толстовских текстов евангельским. Делание добра, стремление преодолеть общественное неравенство, отрицание своей «самости» вплоть до отказа от создания семьи – основание для этих нравственных максим Лесков в равной мере видит и в трактатах Толстого, и в Евангелии.

Результаты анализа повести позволили прийти к заключению, что важной полемической по отношению к текстам Толстого составляющей «Полунощников» (пусть и перенесенной в подтекст) является выбор женской героини как примера практического воплощения толстовского учения. Этот выбор тесно связан с логикой представлений Лескова о практике христианской жизни, выраженной в его статьях 1880-х гг. и цикле проложных легенд. Долгому пути нравственного совершенствования, проходящему через серию кризисов, который убедительно изображен в трактатах Толстого, писатель противопоставляет эмоциональный порыв смирения, покаяния и – как следствие его – желание «послужить» ближнему. Образ образованной и «чуткой сердцем» девушки позволил Лескову не только точно донести до читателя важные для него моменты толстовской проповеди, но и эмоционально наполнить преимущественно рациональные положения учения Толстого.

В третьем параграфе – **«Полемика Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым в повести “Юдоль”»** – установлено, что рапсодия «Юдоль» представляет собой оригинальный жанровый эксперимент Лескова. Начинающаяся как документальный очерк, повесть постепенно обогащается все новыми и новыми стилистическими и жанровыми гранями: неторопливая объективная хроника сменяется оценочным автобиографическим нарративом, фольклорная

стилизация совмещается со статистическими сводками, с возвышенным перифразом граничит пикантный анекдот. Специфика «Юдоли» в контексте позднего творчества писателя определяется широким обращением Лескова к приемам массовой литературы: об этом свидетельствуют многократные описания событий уголовной хроники, насыщенность произведения эпизодами гибели персонажей, сентиментальные эффекты, применяемые при изображении страданий детей, наконец, мелодраматическая сюжетная линия тети Полли, завершающаяся примирением врагов и освобождением крестьян.

Диссертантом доказано, что возбуждение интереса читателей не является самоцелью Лескова, а обращение к приемам массовой литературы в конечном итоге непосредственно вытекает из учительного пафоса повести. Основной задачей писателя выступает задача просвещения: Лесков стремится найти путь выхода из ситуации нравственного и культурного невежества народа. Путь этот в «Юдоли» показан вполне определенно и представляет собой синтез «практического христианства» Толстого и евангельской проповеди. В очередной раз востребованными Лесковым оказываются те положения философии Толстого 1880-х гг., которые наиболее близки христианскому учению, знаком чего является настойчивое соединение высказываний писателя с библейскими цитатами. Обращение к слову Толстого, как и к евангельскому слову, трактуется в повести как единственное средство преодоления иррационального, хаотического начала народной жизни, выражающегося в насилии.

Результаты анализа позволили диссертанту прийти к заключению, что несмотря на популяризацию в повести взглядов Толстого, в главной ее идее – утверждении дикого состояния массы русского народа – Лесков входит в совершенное противоречие с учением своего современника. Главный адресат этико-религиозных трактатов Толстого – это представитель среднего или высшего слоя общества, образцом для совершенствования, которого провозглашался именно народный «естественный» человек. Подобное

утверждение моральных достоинств крестьян было чуждо позднему Лескову. Сдержанное отношение к русскому народу было свойственно писателю на протяжении всего его творческого пути, чем объясняется органичность авторецепции в «Юдоли». Изображение отдельных преступлений, на котором строится сюжет ранних художественных текстов писателя, в «Юдоли» перерастает в обобщенную картину торжества насилия и анархии.

Проведенный в главе анализ показывает, что сближение Лескова с Толстым, начавшееся во второй половине 1880-х гг., трудно назвать легким. Несмотря на роднившее писателей настороженное отношение к практике официальной религиозной жизни, характер их духовных поисков имел существенные отличия. Размышления Лескова над проблемами практического христианства начиная с 1870-х гг. стали одной из основных тем его творчества, отсюда и особый интерес, который писатель проявил к новому религиозному «учению», и – серьезная полемика с рядом положений толстовской «проповеди». В главе выявлено, что писатель в той или иной мере полемизировал с идеей непротивления злу насилием, с призывом к «опрощению», с решением Толстым «женского вопроса» и проблемы семьи, наконец, с толстовским подходом к народной жизни, не говоря уже об отрицании Толстым медицины, науки и искусства. Однако в позднем творчестве Толстого Лесков увидел нечто более важное для себя – то, что и стало основной причиной как постоянного обращения к толстовским текстам в его художественном творчестве, так и активной полемики с толстовцами: призыв Толстого к нравственному совершенствованию и к внутреннему духовному «деланию».

«Вихляется он (Толстой – А. Ф.) – несомненно – но точку он видит верную: христианство есть учение жизненное, а не отвлеченное» – эти слова Лескова, еще в 1883 г. сказанные им в письме к А. С. Суворину, точно выражают наиболее привлекательную для писателя сторону учения Толстого. Однако звучащее в них противопоставление отвлеченной теории и реальной

жизненной практики, одна из важнейших констант мировоззрения писателя, не могло не привести к скрытой полемике между Лесковым и его знаменитым современником, главным выражением которой стало неприятие писателем ближайших соратников Толстого – толстовцев. Толстовское учение не было только порывом покаяния или практикой внутреннего нравственного совершенствования. Оно мыслилось как целостная программа по переустройству всего российского общества и даже жизни человечества в целом. И в этой связи толстовство не смогло не перерасти в очередную «теорию», с которыми Лесков так яростно полемизировал, начиная со своих первых передовиц «Северной пчелы», посвященных Герцену. В противопоставлении Лесковым Толстого и «толстовства» можно увидеть очередной виток конфликта внешних и внутренних форм человеческой жизни, столь свойственный художественному миру писателя. «Толстовство» стало трактоваться Лесковым как новая вариация «партийности», которой он неизменно противопоставлял свободу индивидуального духовного выбора.

Диссертантом доказано, что содержательная целостность рецепции Лесковым толстовского «текста» сочетается с удивительным многообразием и даже пестротой форм «воплощения» близких писателю сторон религиозно-нравственного учения Толстого, среди которых – публицистическое слово и искусные фольклорные и житийные стилизации, сказ и близкая к образцам массовой литературы «Юдоль». Толстовский «текст», который органично вошел в лесковскую прозу, внес в его произведения оригинальную и важную интонацию. Но – не единственную, и в этом основное отличие толстовских произведений от их рецепции Лесковым. Возвышенное слово Толстого соседствует у Лескова с двусмысленным анекдотом, языковым каламбуром, мелодраматическим сюжетом, сказовой или литературной стилизацией. Главным результатом «вхождения» толстовского текста в прозу писателя является фактически полное исчезновение нравоучения и проповеднических интонаций, которые являются важнейшей чертой организации Толстым

диалога с читателем. Попытки Лескова стилевой рецепции поздней прозы Толстого были ограничены и порой даже неудачны. Разнообразные принципы нарраториальной организации текстов, используемые писателем (сведение к минимуму прямых нарраториальных оценок, активное обращение к «чужому» слову, в том числе сказовому или стилизованному, принципы «стенографического» письма) переносят акцент с фигуры отправителя сообщения – на фигуру его адресата, читателя, которому предоставляется право «собрать» в единое целое кажущиеся раздробленными фрагменты лесковского палимпсеста.

Четвертая глава диссертации – **«Рецептивный синтез в повести Н. С. Лескова “Заячий ремиз”»** – посвящена исследованию принципов создания текста-полилога в поздней прозе Лескова на материале повести «Заячий ремиз» (1894).

В первом параграфе – **«“Заячий ремиз” Н. С. Лескова как пародия»** – отмечается, что для «Заячьего ремиза», как и для других произведений, которые Лесков вписывал в стернианский контекст, свойственна экспериментальная свободная композиционная форма. В главе установлено, что с прозой Л. Стерна повесть сближают обращение к комическим приемам письма и особенности нарративной организации. Стратегия актуализации Лесковым романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (1760–1767) может быть охарактеризована как «игровая»: «Заячий ремиз» сориентирован на образцы пародийной литературы. Начинают авторскую игру с читателем условный хронотоп и «невидимый» первичный нарратор, продолжает ее эксперимент с жанровой формой. В повести происходит конкретизация жанровой модели романа-жизнеописания, которая выступала мишенью для пародийных выпадов Стерна: объектом пародии является популярная в русской литературе XIX в. разновидность этой жанровой модели – роман-воспитание.

Проведенный анализ показал, что пародийный образ наставника нарратора архиерея, центральный для первой части повести, выступает

парадоксальным символом торжества материально-телесной жизни. Основной принцип его изображения – комическая подмена высокого (духовного) низким (телесным) – вполне традиционен для пародийной литературы, начиная с ее классического средневекового образца⁵, на котором и базировал свой анализ народной смеховой культуры М. М. Бахтин. Однако в «Заячьем ремизе» Лесков не ограничивается тесными рамками самоценного комизма и пародии, мастерское владение приемами которой демонстрирует произведение. Первой части повести, в которой писатель, привлекая стернианский и гоголевский контексты, юмористически изображает погруженных в жизнь своих тел героев, противопоставлена вторая часть произведения. В «Заячий ремиз» включено повествование о взрослении героя и его зрелости. Этот последний хронологический этап сюжетной схемы жизнеописательной прозы приобретает у Лескова значение «испытания» героя.

Во втором параграфе – **«“Заячий ремиз” Н. С. Лескова как текст-полилог»** – исследованы принципы рецептивного синтеза претекстов в единое художественное высказывание.

Диссертантом доказано, что одним из средств формирования пародийного подтекста повести выступает актуализация Лесковым гоголевского «текста». Гоголевские аллюзии являются устойчивой характеристикой сказового нарратива: обращение к гоголевскому дискурсу постоянно на протяжении всего рассказа Оноприя Перегуда. Каждый этап повествования сопровождается метатекстовыми комментариями героя, которые указывают на важность для рассказчика гоголевской традиции. Ориентация сказового нарратора на малороссийские циклы Н. В. Гоголя, преимущественно на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), служит ярким штрихом в его юмористическом образе. На стилистическом уровне произведения актуализация повествователем примет «поэтического» сказа

---

⁵ Романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1564).

Гоголя в сочетании с бытовым просторечным сказом выступает важным средством языкового комизма.

Пародийная стилизация гоголевского сказа сочетается в повести с тонкой интерпретацией содержательных доминант гоголевского творчества. Знаком последней выступает изменение источников гоголевских аллюзий по ходу развертывания сюжета. «Вечера на хуторе близ Диканьки» сменяются «Петербуржскими повестями», а красочная гоголевская Малороссия уступает место противоестественному миру сословных рангов и обогащения. В цитируемых произведениях Гоголя («Нос» (1836), «Записки сумасшедшего» (1833–1834), «Ревизор» (1836)) Лесков выдвигает на первый план мотив «безумной» мечты и мании «чина», которые ведут к деградации человеческой личности. Отсылки к произведениям Гоголя углубляют нравственную проблематику повести. Полный внешнего комизма сюжет поиска Оноприем Перегудом «потрясателей» вполне в духе гоголевских произведений оборачивается бессмысленной погоней за миражом, которая приводит к сумасшествию героя. Проведенный анализ демонстрирует глубокое усвоение Лесковым стилевых принципов гоголевской прозы. Поэтику писателей сближает не только интерес к бытописанию, к анекдоту или к изображению устной речи, но и сложный интонационный рисунок, в котором «видимый миру смех» неожиданно сменяется «слезами», пристальное внимание к изображению телесной стороны жизни человека, наконец, расширение функций комического, роль которого ни у Гоголя, ни у Лескова не была исключительно развлекательной.

Рецепция религиозных трактатов Г. Сковороды также прослеживается на стилистическом и содержательном уровнях произведения. Усложненная организация текстов трактатов органично соответствует одной из ключевых черт лесковской поэтики. В главе установлено, что важнейшая особенность стиля повести, которая является ярким примером художественной манеры Лескова в целом, заключается в ее зашифрованности, провоцирующей читателя

на поиски скрытого за формальной усложненностью текста семантического ядра. Эта особенность, как и тот факт, что тщательно скрываемым смыслом оказывается истина, имеющая значение духовного открытия, недвусмысленно отсылает к особенностям поэтики барокко, ярким представителем которого и был Сковорода. Отсылки к работам философа расширяют проблемное поле повести, переводят размышления Лескова из нравственного и социального плана в религиозный и антропологический.

Диссертантом показано, что основанием для рецептивного синтеза разнообразных текстов выступают особенности поэтики «Заячьего ремиза». Свободная композиция произведения, характеризующаяся хронологическими перестановками и разрывами фабулы, наличием лейтмотивов и повторов, введением в повествование сложной системы нарраторов, дает писателю широкие возможности для актуализации «чужого» слова. Неоднократно повторяясь и варьируясь в тексте повести, интертекстуальные элементы начинают функционировать в качестве основных мотивов, формируют подтекст произведения.

Результаты анализа произведения позволяют диссертанту прийти к выводу, что рецептивный синтез в повести рождает эффект многоголосия. Актуализируемые произведения вступают в связи, за которыми обнаруживается последовательная семантическая логика. Новые цитирования не «размывают» смысл повести, а, напротив, увеличивают число и интенсивность ассоциативных связей внутри произведения и тем самым утверждают его целостность. «Старое» и «новое» в «Заячьем ремизе» формируют единое текстовое пространство, а цитаты наслаиваются по принципу палимпсеста: одна цитата проявляется из-под другой, происходит наложение нескольких смыслов, вследствие чего формируется новое значение. Повесть представляет собой сложное единство, в основе которого лежит полилог нескольких дискурсивных систем.

В Заключении подводятся итоги исследования и определяются перспективы дальнейшего изучения прозы Лескова в рецептивном аспекте, которые представляются весьма плодотворными в контексте интересующих современное литературоведение проблем эстетической коммуникации. Необходимым является целостное и систематическое изучение принципов диалога писателя с русскими классиками, к творчеству которых он проявлял устойчивый интерес: Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, А. С. Пушкиным, И. С. Тургеневым. Анализ генезиса лесковской прозы предполагает важность исследования рецепции писателем традиций барочной и романтической литературы. Значимым выступает рассмотрение диалога Лескова с европейской литературой XVIII–XIX вв., в том числе западнославянской (В. Сырокомлей, В. Йорданом, Ю. И. Крашевским и др.). Актуальным также является исследование характера рецепции творчества Лескова в русской литературе конца XIX–XX вв., прежде всего, в литературе модернизма. Изучение наследия писателя в коммуникативном и, в частности рецептивном аспекте, позволит углубить научные знания о рецептивной компетенции эстетического дискурса, предоставит новый материал для осмысления проблемы диалектики герметичности и открытости литературного произведения.

Основные научные публикации по теме диссертации

Публикации в рецензируемых изданиях, входящих в базу данных Web of science:

1. Ильинская, Т. Б., Федотова, А. А. Повесть Н. С. Лескова «Заячий ремиз» в контексте прозы Н. В. Гоголя [Текст] / Т. Б. Ильинская, А. А. Федотова // Русская литература. – 2017. – № 3. – С. 213–222 (0,5–0,5) (0,5 п. л.).

Публикации в рецензируемых изданиях (согласно перечню российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть

опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук):

2. Федотова, А. А. Пушкинский контекст «египетской» повести Н. С. Лескова «Гора» [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 225–228 (0,5 п. л.).

3. Федотова, А. А. Легенда Н. С. Лескова «Прекрасная Аза» в литературном контексте 1860-х – 1880-х гг. [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 3. – С. 203–207 (0,5 п. л.).

4. Федотова, А. А. Интертекстуальные аспекты публицистики Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 214–216 (0,5 п. л.).

5. Федотова, А. А. Межтекстовый диалог в исторической публицистике Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 233–235 (0,5 п. л.).

6. Федотова, А. А. Повествовательная организация очерка Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 228–230 (0,5 п. л.).

7. Федотова, А. А. Мотив телесности в очерке Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 296–300 (0,5 п. л.).

8. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Федотова, А. А. Традиции пародийного романа Л. Стерна в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 222–225 (0,5–0,5) (0,5 п. л.).

9. Федотова, А. А. Исторический дискурс в публицистике Н. С. Лескова // Медиаскоп. Журнал Факультета журналистики МГУ имени

М. В. Ломоносова. – 2015. – № 2 [Электронный ресурс]: режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1732> Дата обращения 08. 04. 2018 (0,5 п. л.)

10. Федотова, А. А. Исторический документ в художественно-публицистических очерках Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 131–136 (0,5 п. л.).

11. Федотова, А. А. Евангельские аллюзии в историко-публицистических очерках Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 73–76 (0,5 п. л.).

12. Федотова, А. А. Религиозные аллюзии в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 3. – С. 133–137 (0,5 п. л.).

13. Федотова, А. А. Античные цитаты в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 125–128 (0,5 п. л.).

14. Федотова, А. А. Телесные образы в поздней прозе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 308–314 (0,5 п. л.).

15. Федотова, А. А. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 135–139 (0,5 п. л.).

16. Федотова, А. А. Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 142–147 (0,5 п. л.).

17. Федотова, А. А. Изучение творчества Н. С. Лескова: индивидуальная проектная деятельность школьников [Текст] / А. А. Федотова // Литература в школе. – 2017. – № 6. – С. 41–42 (0,5 п. л.).

18. Федотова, А. А. А. И. Герцен и русская публицистика 1860-х гг. [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 115–120 (0,5 п. л.).

19. Федотова, А. А. Статья В. А. Жуковского «О смертной казни» в интерпретации русских писателей второй половины XIX века [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 14–18 (0,5 п. л.).

20. Федотова, А. А. «Его прободали те, за кого он распялся»: некролог Н. С. Лескова об А. И. Герцене [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 3. – С. 8–15 (0,5 п. л.).

21. Федотова, А. А. Повесть Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» в рецепции Н. С. Лескова: неосуществленные замыслы [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 78–83 (0,5 п. л.).

Монография:

22. Федотова, А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 342 с. (21,5 п. л.)

Публикации в зарубежных изданиях:

23. Федотова, А. А. Телесный дискурс в исторической публицистике Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Тіло як вистава: мистецькі проєкції : [збірник наукових статей]. – Бердянськ : ФО–П Ткачук О. В., 2015. – С. 172–177 (0,5 п. л.).

24. Федотова, А. А. Поэтика исторических очерков Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 71–81 (0,5 п. л.).

Публикации в других изданиях:

25. Федотова, А. А. Функционирование «чужого текста» в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Альманах

современной науки и образования. Серия «Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы». – Вып. 8. – Тамбов : Грамота, 2008. – Ч.1. – С. 215–217 (0,5 п. л.).

26. Федотова, А. А. Этическое учение Л. Н. Толстого как основа создания художественного образа в повести Н. С. Лескова «Полунощники» [Текст] / А. А. Федотова // Научные труды молодых ученых филологов. – М. : Изд-во МПГУ, 2008. – С. 241–246 (0,5 п. л.).

27. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Федотова, А. А. Диалог Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым (на материале повести Н. С. Лескова «Полунощники») [Текст] / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4. – С. 216–226 (0,5–0,5) (0,5 п. л.).

28. Федотова, А. А. Коммуникативные установки в повести Н. С. Лескова «Полунощники» [Текст] / А. А. Федотова // Межвузовский сборник научных трудов «Человек. Русский язык. Информационное пространство». – Вып. 8. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. – С. 323–324 (0,5 п. л.).

29. Федотова, А. А. Реализация стилеобразующей функции интертекстуальности в повести Н. С. Лескова «Полунощники» [Текст] / А. А. Федотова // Научные труды молодых ученых-филологов. – М. : Изд-во МПГУ, 2009. – С. 179–185 (0,5 п. л.).

30. Федотова, А. А. Повесть Н. С. Лескова «Гора» в гоголевском контексте (на материале повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством») [Текст] / А. А. Федотова // Лесковиана. Т. 3: Творчество Н. С. Лескова в современном изучении : Международный сборник научных трудов : Материалы III международной научной интернет-конференции. – М. – Орёл : НИП «ВФК», 2010. – С. 287–292 (0,5 п. л.).

31. Федотова, А. А. Интертекстуальность как фактор формирования смысла в повестях Н. С. Лескова «Полунощники» и «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Актуальные процессы в социальной и массовой

коммуникации : Материалы научно-практической конференции. – Вып. 3. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010. – С. 140–148 (0,5 п. л.).

32. Федотова, А. А. Специфика актуализации средневеково-христианской литературной традиции в «Легенде о совестном Даниле» Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Святоотеческие традиции в русской литературе : Материалы I всероссийской интернет-конференции с международным участием. – Омск : Вариант – Омск, 2010. – С. 151–155 (0,5 п. л.).

33. Федотова, А. А. Стилиевые особенности «Легенды о совестном Даниле» Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ч 1. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010. – С. 321–327 (0,5 п. л.).

34. Федотова, А. А. Функционирование полистилистического текста в повести Н. С. Лескова «Полунощники» [Текст] / А. А. Федотова // Лесковиана. Т. 3: Творчество Н. С. Лескова в современном изучении: Международный сборник научных трудов : Материалы III международной научной интернет-конференции. – М. – Орёл : НИП «ВФК», 2010. – С. 292–302 (0,5 п. л.).

35. Федотова, А. А. Интертекстуальный анализ классического произведения (на материале произведений Н. С. Лескова) [Текст] / А. А. Федотова // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: художественный текст как предмет изучения в школе и вузе : Материалы III всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Ярославля и году учителя. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. – С. 149–156 (0,5 п. л.).

36. Федотова, А. А. Стилизация Н. С. Лесковым проложных сказаний (на материале «Легенды о совестном Даниле») [Текст] / А. А. Федотова // VIII Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. – М. : Изд-во МПГУ, 2011. – С. 173–179 (0,5 п. л.).

37. Федотова, А. А. Гоголевские реминисценции в повести Н. С. Лескова «Гора» [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 219–225 (0,5 п. л.).

38. Федотова, А. А. Своеобразие актуализации текста «Египетских ночей» А. С. Пушкина в «египетской» повести Н. С. Лескова «Гора» [Текст] / А. А. Федотова // Научные труды молодых ученых-филологов. – Вып. 10. – М. : Изд-во МПГУ, 2011. – С. 143–150 (0,5 п. л.).

39. Федотова, А. А. Литературная полемика Н. С. Лескова и П. Д. Боборыкина (на материале повести Н. С. Лескова «Зимний день» и романа П. Д. Боборыкина «Перевал») [Текст] / А. А. Федотова // Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика. – М. – Орёл : НИП «ВФК», 2011. – С. 150–152 (0,5 п. л.).

40. Федотова, А. А. Особенности актуализации «чужого» текста в легенде Н. С. Лескова «Прекрасная Аза» [Текст] / А. А. Федотова // Человек в информационном пространстве. – Вып. 10. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 200–204 (0,5 п. л.).

41. Федотова, А. А. Изучение проложных легенд Н. С. Лескова на занятиях по филологическому анализу текста [Текст] / А. А. Федотова // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: художественный текст как предмет изучения в школе и вузе : Материалы IV всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 111–120 (0,5 п. л.).

42. Федотова, А. А. Актуализация «чужого» слова в очерке Н. С. Лескова «Святительские тени» [Текст] / А. А. Федотова // Новое в современной филологии: Материалы IV Международной научно-практической конференции (23. 12. 2011). – М. : Спутник плюс, 2012. – С. 23–26 (0,5 п. л.).

43. Федотова, А. А. Художественная рецепция повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» Н. С. Лесковым [Текст] / А. А. Федотова // Духовно-

нравственные основы русской литературы. – Вып. 3. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – С. 181–184 (0,5 п. л.).

44. Федотова, А. А. Очерк-«извлечение» в публицистике Н. С. Лескова 1880-х гг. (на материале очерка «Святительские тени») [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. – С. 220–225 (0,5 п. л.).

45. Федотова, А. А. «Жизнь преосвященных архиереев Вятских и Великопермских» Платона Любарского в рецепции Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы теории и истории литературы. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2013. – С. 190–193 (0,5 п. л.).

46. Федотова, А. А. Межтекстовый диалог в исторической публицистике Н. С. Лескова (на материале очерка «Русские деятели в Остзейском крае») [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – С. 189–194 (0,5 п. л.).

47. Федотова, А. А. Мотив детства в очерке Н. С. Лескова «Иродова работа»: интертекстуальный аспект [Текст] / А. А. Федотова // Мировая словесность для детей и о детях : Материалы XVIII Всероссийской научно-методической конференции. – М. : Изд-во МПГУ, 2013. – С. 75–78 (0,5 п. л.).

48. Федотова, А. А. Специфика актуализации претекста в очерке Н. С. Лескова «Иродова работа» [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – С. 189–194 (0,5 п. л.).

49. Федотова, А. А. Интертекстуальные стратегии в исторической публицистике Н. С. Лескова (на материале очерка «Русские деятели в Остзейском крае») [Текст] / А. А. Федотова // Человек в информационном пространстве. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – С. 399–403 (0,5 п. л.).

50. Федотова, А. А. Изучение интертекстуальных связей литературного произведения на занятиях по филологическому анализу текста (на материале «византийских» легенд Н. С. Лескова) [Текст] / А. А. Федотова // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе: Материалы V всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – С. 154–162 (0,5 п. л.).

51. Федотова, А. А. Библейские аллюзии в очерке Н. С. Лескова «Иродова работа» [Текст] / А. А. Федотова // Духовно-нравственные основы русской литературы : Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – С. 87–90 (0,5 п. л.).

52. Федотова, А. А. «Чужое» слово в очерке Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» [Текст] / А. А. Федотова // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы теории и истории литературы. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2014. – С. 133–136 (0,5 п. л.).

53. Федотова, А. А. «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского в рецепции Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 156–161 (0,5 п. л.).

54. Федотова, А. А. Толстовский текст в поздней прозе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Сборник материалов конференции «XXXIV Толстовские чтения». – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. – С. 174–179 (0,5 п. л.).

55. Федотова, А. А. Нарративный дискурс в историческом очерке Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Человек в информационном пространстве. Вып. 10. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 169–174 (0,5 п. л.).

56. Федотова, А. А. Анекдотический дискурс в очерке Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2015. – С. 158–164 (0,5 п. л.).

57. Федотова, А. А. «Свое» и «чужое» в исторических очерках Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Материалы XV всероссийской научно-практической конференции «Синтез в русской и мировой художественной культуре». – М. : Изд-во МПГУ, 2015. – С. 24–28 (0,5 п. л.).

58. Федотова, А. А. Формирование точки зрения персонажей в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Человек в информационном пространстве. – Вып. 11. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – С. 97–100 (0,5 п. л.).

59. Федотова, А. А. Рецепция идеологии славянофильства в Остзейских очерках Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Костромской гуманитарный вестник. – 2015. – № 1. – С. 30–33 (0,5 п. л.).

60. Федотова, А. А. Повесть Н. С. Лескова «Заячий ремиз» как пародия на роман-жизнеописание [Текст] / А. А. Федотова // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы теории и истории литературы. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2016. – С. 90–93 (0,5 п. л.).

61. Федотова, А. А. Повесть Н. С. Лескова «Заячий ремиз» в контексте романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» [Текст] / А. А. Федотова // Голоса русской провинции. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 118–126 (0,5 п. л.).

62. Федотова, А. А. «Тень Овидия» в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] / А. А. Федотова // Филологические чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль : Изд-во ЯРГУ им. П. Г. Демидова, 2016. – С. 45–51 (0,5 п. л.).

63. Федотова, А. А. Цитирование «Метаморфоз» Овидия в «Заячьем ремизе» Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык :

Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 93–98 (0,5 п. л.).

64. Федотова, А. А. Л. Н. Толстой и «голодный вопрос» 1891 г. [Текст] / А. А. Федотова // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах : Материалы XXXV Международных Толстовских чтений. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2016. – С. 306–316 (0,5 п. л.).

65. Федотова, А. А. Евангельский текст в очерке Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» [Текст] / А. А. Федотова // Духовно-нравственные основы русской литературы. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – С. 103–106 (0,5 п. л.).

66. Федотова, А. А. Творческая рецепция Н. С. Лесковым повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» [Текст] / А. А. Федотова // Культура. Литература. Язык : Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 117–121 (0,5 п. л.).

67. Федотова, А. А. Наши заграничные *réfugiés*»: полемика между «Колоколом» А. И. Герцена и «Русским вестником» М. Н. Каткова [Текст] / А. А. Федотова // Проблема изгнания: русский и американский контексты. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 163–169 (0,5 п. л.).

Федотова Анна Александровна

РЕЦЕПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Подписано в печать 30. 08. 2018

Формат 60x92/16 Объем 2,5 п. л.

Тираж 100 экз. Заказ №142

Типография ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

Педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

150000, Ярославль, Которосльская наб., 44